

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПАРТИЙНОЙ ГЕГЕМОНИИ ЕР: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ПРЕДЕЛЫ ПРОЧНОСТИ¹

М. Ю. Мартынов, В. В. Мархинин

Мартынов Михаил Юрьевич.

Эл. почта: martinov.mu@gmail.com. ORCID 0000-0002-8245-7359.

Мархинин Василий Васильевич.

Эл. почта: marhinin.basilio@yandex.ru. ORCID 0000-0001-5024-2452

Сургутский государственный университет, пр. Ленина, д. 1, Сургут, 628412, Россия.

Аннотация. В статье рассматривается воздействие избирательной системы, оформленной в виде правовых норм, регулирующих порядок проведения выборов, на состояние партийной системы в региональном и локальном измерении. Политические эффекты реформирования избирательных систем анализируются при помощи средств количественного анализа. Предмет исследования — выявление пределов прочности политической гегемонии «Единой России» в электоральном пространстве общенационального, регионального и местного уровня. Основным инструментом этой гегемонии на сегодняшний день является формирование представительных институтов, состав которых искажен в сравнении с реальной структурой политических предпочтений избирателей посредством подбора комбинаций мажоритарных и пропорциональных элементов избирательной системы, обеспечивающей максимально комфортные условия конкуренции для доминирующей партии и наименее удобные условия для ее оппонентов. Этой же цели подчинены такие практики как широкое внедрение неэлекторальных способов формирования представительных собраний и стратегия максимально полной изоляции оппонентов от распределения любых политических ресурсов. В статье на материале электоральной статистики дается оценка политических итогов реформ избирательного и партийного законодательства накануне выборов 2016 г., предпринимается опыт прогнозирования результатов реализации новой программы реформ, сформированной «партией власти» к 2019 г.

Ключевые слова: партийная система, избирательная система, политический плюрализм, политическая конкуренция, локальный и региональный политический процесс.

«...по смыслу статей 1 и 13 Конституции Российской Федерации, демократия, основанная на политическом многообразии и многопартийности, исходит из необходимости существования оппозиции и не допускает монополии на власть».

Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.1998 № 26-П

Введение

События лета 2019 г. дали возможность наблюдать поистине неординарный феномен политической жизни: в процессе подготовки к выборам в Мосгордуму стремительно разворачивался масштабный кризис, получивший на пике своего развития общенациональный и даже мировой резонанс. Поводом к нему послужили явления, которые с формальной точки зрения трудно охарактеризовать иначе, чем как малозначительные. Некоторое количество кандидатов в депутаты, в массе своей неизвестных широкой

¹ Исследование проведено в рамках выполнения государственного задания на научно-исследовательские работы от Департамента образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа.

публике или, в лучшем случае, вполне второстепенные оппозиционные политики не были по формальным основаниям допущены к участию в выборах. Недовольные этим фактом политические деятели в кратчайший срок сумели организовать в свою поддержку протестную кампанию, беспрецедентную по своим масштабам и интенсивности как минимум с 2012 г. Противоречия, послужившие толчком к акциям протеста, развивались и разрешались без участия парламентских партий: ни одна из них не сумела (или не пожелала?) обозначить внятную и отвечающую настроениям общества позицию по вопросу разворачивающегося кризиса.

Процессы лета-осени 2019 г. показали, что целый ряд институтов (политические партии, избирательная система, исполнительная власть, силовые структуры) не в состоянии должным образом выполнять свои функции и обеспечивать собственную легитимность, тогда как активность внесистемных сил, напротив, оказалась весьма успешной, с точки зрения завоевания общественных симпатий.

С еще большими трудностями столкнулась в своей работе «электоральная машина» ЕР. К числу ее важнейших механизмов, описанных исследователями, относятся контроль над параметрами избирательной системы, способность мобилизовать избирателей для явки и поддержки ее кандидатов посредством социальных трансфертов и стимулирования наемных работников силами работодателей, консолидация (посредством патронально-клиентельных связей) политико-административной и экономической элиты в процессе рекрутирования кандидатов, кооптация договороспособных кадров в состав лидеров парламентской оппозиции (Golosov, 2013; Panov and Ross, 2013; Frye et al., 2014; Ross and Turovsky, 2015; Reuter et al., 2016). Ни один из этих механизмов не сработал в Москве, точно так же, как это произошло на региональных выборах в Хабаровском крае в 2019 г. и годом ранее на выборах ряда губернаторов.

Дисфункции партийной и избирательной системы, столь ярко обнаружившиеся в ходе выборов в Мосгордуму, возникли не внезапно. Они стали результатом изменений партийной и избирательной системы в 2011–2016 гг. Не вызывает сомнений и то, что события 2019 г. станут стимулом к новым преобразованиям политической системы ради консервации, достигнутой в 2000-х гг. гегемонии «Единой России» посредством электоральных инструментов. Цель нашего исследования — оценить возможные результаты готовящихся реформ, выработать прогноз дальнейшего развития политической системы в условиях новых правил партийного строительства и электорального процесса.

Методы анализа и источники эмпирического материала

Методы анализа политической конкуренции — одна из проблем, имеющих продолжительную историю. Классическим инструментом оценки состояния конкуренции является индекс эффективного числа партий, предложенный еще в 70-х гг. (Laakso, Taagerpera, 1979) и адаптированный к условиям российской партийной гегемонии ЕР (Golosov, 2010). В исследовательской практике известны также примеры использования других количественных показателей, позволяющих учитывать роль беспартийных участников предвыборной гонки; для оценки уровня конкуренции в одномандатных округах предлагалось, например, опираться на показатели отрыва победителя от его оппонентов: если он превышает некоторое значение (например, 10%), выборы рассматриваются как неконкурентные (Burchard, 2013); с позиций другого, близкого по смыслу подхода, в качестве неконкурентных следует рассматривать выборы, где победитель получает более 50% (если партийные симпатии

распределяются дисперсно) или 60% (если партийные симпатии поляризованы) (Havickand Ray, 1981). Количественные оценки конкуренции, апробированные в литературе, фокусируются на единственном элементе партийной конкуренции, а именно на процессе голосования. Этот элемент, несомненно, является ключевым, хотя и не единственным, необходимым для понимания того, как происходит конкуренция. В учете нуждаются также 1) конфигурация партийных и фракционных сил, складывающаяся в результате выборов, точнее характерные для нее устойчивые тенденции, и 2) практики распределения политических ресурсов (доступ к парламентским портфелям) в уже сформированных парламентах.

В настоящем исследовании предпринимается учитывающая эти параметры количественная оценка условий, в которых развивается местная политическая жизнь. В этой связи необходимо сделать некоторые разъяснения относительно используемого нами понятийного аппарата и инструментария.

Один из ключевых концептов, используемых в нашем исследовании — понятие среды политической конкуренции. Под средой политической конкуренции мы будем подразумевать конфигурацию параметров политической системы, определяющих доступ политических сил к участию в конкуренции за распределение власти. Таким образом, понятие среды политической конкуренции описывает в первую очередь практики политического (партийного) плюрализма.

С точки зрения количественных характеристик, политический плюрализм может быть описан через показатели разнообразия политических сил, получающих:

- 1) доступ к участию в выборах;
- 2) доступ в избираемые представительные собрания; этот параметр может учитываться
 - а) в абсолютном выражении — как число политических сил, представленных в парламенте, и
 - б) в квалифицированном выражении — как число сил, представленных в парламенте организованными группами (фракциями);
- 3) доступ к руководящим постам в парламенте (председатели и заместители председателей собрания, председатели комитетов).

Политическая конкуренция, разумеется, не может быть сведена к ее институциональным аспектам, которые классифицируются по предложенной выше схеме. Функционирование политического плюрализма находится под влиянием установок политической культуры, социально-экономической ситуации, международной и внутривнутриполитической конъюнктуры. Наша методика оценки ситуации в политической жизни абстрагируется от этого богатства факторов и фокусируется лишь на тех, что поддаются количественной оценке.

Непосредственным объектом анализа в настоящей работе является выборка, в которую мы включаем все выборы в городах и районах регионального подчинения в отобранных нами регионах и все сформированные в них представительные собрания (в том числе сформированные без прямых выборов). В выборку включались по два региона из каждого федерального округа (один — с наибольшей численностью населения, другой — выбранный произвольно; в выборку не включались города федерального значения). Источником данных служили данные, размещенные на сайте ЦИК; не рассматривались кандидаты-самовыдвиженцы и участники дополнительных выборов. Источником сведений об избирательных системах муниципалитетов служили данные ЦИК и уставы муниципалитетов. Данные о составе представительных

Схема 1. Среда политической конкуренции: основные типы

Diagram 1. Political Competition Environment: Main Types

В выборах участвуют более одной партии <i>More than one party participates in elections</i>				В парламенте представлена единственная партия (Политическая монополия) <i>A single party (Political Monopoly) is represented in Parliament</i>
В парламенте представлены более одной партии <i>More than one party is represented in Parliament</i>				
Полноценную фракцию* формируют две и более партии <i>Two or more parties form a full-fledged faction*</i>	Полноценную фракцию* формирует единственная партия <i>Full faction* is formed by a single party</i>			
В руководящих органах парламента представлены две и более партии (Эффективная конкуренция) <i>Two or more parties are represented in the governing bodies of Parliament (Effective competition)</i>	В руководящих органах парламента представлена единственная партия (Ограниченная конкуренция) <i>A single party is represented in the decision-making bodies of Parliament (Limited competition)</i>	В руководящих органах парламента представлены две и более партии (Номинальный плюрализм, переходный тип) <i>Two or more parties are represented in the governing bodies of Parliament (Nominal Pluralism, Transitional Type)</i>	В руководящих органах парламента представлена единственная партия (Номинальный плюрализм) <i>A single party is represented in the governing bodies of Parliament (Nominal pluralism)</i>	

* Под полноценной фракцией понимается фракция численностью не менее трех депутатов (подробнее см: Мархинин и др., 2019, 10).

* *The full-fledged faction refers to a faction of at least three deputies; more details (see: Markhinin et al., 2019, 10).*

собраний, сформированных без прямых выборов, брались с официальных сайтов этих собраний (при наличии таких сайтов). Таким образом, в выборку были включены 16 из 85 регионов в составе Российской Федерации, что, на наш взгляд, обеспечивает приемлемый уровень репрезентативности полученных выводов относительно состояния среды политической конкуренции в масштабах страны.

Развитие избирательных систем: 2011–2016 гг.

Сегодняшняя партийная и избирательная система России была сформирована серией политических реформ, проведенных в промежутке между выборами в Госдуму 2011 и 2016 гг. Стимулом к реформе стали итоги выборов 2011 г., поставившие ЕР на грань потери большинства в нижней палате парламента. Меры, принятые для предотвращения такого сценария в ходе избирательной кампании 2011 г., сделали ее самой скандальной за всю историю выборов постсоветского времени; в адрес ЕР непрерывно звучали обвинения в фальсификациях, совершенных в сговоре с местными и федеральными властями. Как бы то ни было, «партии власти» удалось удержать доминирующие позиции в Госдуме. Свой мандат она использовала для

снижения электоральных возможностей парламентской оппозиции. Для этого был использован вполне предсказуемый инструмент — сокращение роли элементов пропорциональной системы и усиление роли мажоритарных элементов. На выборах в Госдуму была введена смешанная система. Суть этой меры состояла в опоре на одномандатников: в предшествующий период большая часть элит на всех уровнях политической системы была мобилизована в ряды «партии власти», которая в результате получила самый сильный по финансовым и административным возможностям корпус кандидатов. Конкуренция с такими кандидатами — сложная задача для более слабых в кадровом отношении оппозиционных партий.

На местном и региональном уровне этот подход был реализован еще решительнее: региональные парламенты получили возможность урезать долю мандатов, распределяемых по партийным спискам, до 25%, а в городах федерального значения перейти к мажоритарной системе. Если в 2009–2010 гг. использование пропорциональной системы на местных выборах достигает максимума, то теперь, по итогам неудачных для партии власти выборов 2011 г., во многих городах и районах начинается обратный процесс — перешедшие на пропорциональную систему муниципалитеты все чаще отказываются от нее (Любарев 2013а). Введенная накануне провала 2011 г. норма об обязательном избрании по партийным спискам не менее половины депутатов в крупных муниципалитетах была вскоре отменена т.н. «поправкой Клишаса» (2013 г.): использование элементов пропорциональной системы на местных выборах перестало быть обязательным. В процессе реформирования избирательной системы у муниципалитетов появилась и возможность для отказа от электоральных процедур формирования представительных собраний: закон позволил формировать их без прямых выборов, посредством делегирования из состава поселковых или районных советов. Таким образом, там, где новые партии и лидеры могли пробовать силы, неся относительно небольшие (в сравнении с выборами в Госдуму) издержки, были установлены еще более обременительные для них ограничения.

Реформа проходила под лозунгом развития плюрализма, вовлечения в политику новых партий и независимых кандидатов. В соответствии с этим лозунгом требования к регистрации партий были упрощены, и они создавались буквально десятками, впрочем, чаще как продукт жизнедеятельности «политтехнологов», а не в результате действительного оживления политической активности. Согласно хорошо обоснованной оценке, из 75 партий, существовавших в этот период, лишь 10 — включая «парламентскую четверку» — могут рассматриваться в качестве реальных участников политической конкуренции (Korgunyuk, 2017).

Реформа провозглашала призыв в политику новых сил. При этом объективно возможности всех — и новых, и старых — оппозиционных партий проводить своих кандидатов в парламент сокращались. Приглашая новые силы в политику, законодатели закрывали перед ними самую удобную для входа дверь. Единственное заметное изменение параметров плюрализма состояло в увеличении числа участников избирательного процесса, но ничего похожего на приход во власть новых сил не произошло, да, в сущности, и не могло произойти (Korgunyuk et al., 2018).

Партийная система в региональном измерении: политические итоги реформы

Итак, рассмотрим параметры среды политической конкуренции на региональном уровне политической системы.

Количественные показатели партийного разнообразия в региональных парламентах, как правило, не уступают тем, что имелись в Госдуме 2011–2016 гг., или даже несколько превосходят их. Тем не менее не является редкой и ситуация, когда в парламенте представлены лишь 2–3 партии (2 партии — 6%; 3–31%; 4–44%; 5–19%).

Гораздо реже оппозиционные партии представлены фракциями из трех и более депутатов. Парламенты с единственной фракцией численностью более трех человек составляют 12% от выборки, 2 фракции — 19%, 3–44%, 4–31%. Фракции из трех и более депутатов оппозиционные партии чаще всего формируют в регионах, столицами, которых являются мегаполисы (1 млн. и более чел.); в регионах с небольшими столицами это происходит реже. Эта закономерность наблюдалась нами и ранее (Мархинин и др., 2019). Как правило, региональный парламент уступает Госдуме по партийному разнообразию.

Включение оппозиционных депутатов в состав руководящих органов — явление достаточно редкое для региональных парламентов. Преобладающим подходом в практике ЕР является исключение конкурентов из распределения парламентских портфелей. В руководящие структуры 62% обследованных парламентов входят исключительно представители ЕР; 2 партии представлены в 19% парламентов, 3 — в 13%, 4 — в 6%.

Сводные данные, характеризующие состояние политического плюрализма в регионах, приводятся в табл. 1.

Количественные параметры партийного плюрализма в регионах в общем случае уступают тем, что характерны для Госдумы. Тем не менее эти характеристики выглядят как существенно более благоприятные для политической конкуренции, чем те, что наблюдаются в муниципальных представительных собраниях.

Такое положение является продуктом соответствующей «настройки» норм местного избирательного права. Хорошо видно, как количественные параметры партийного плюрализма коррелируют с местом мажоритарных и пропорциональных элементов в избирательной системе:

В выборке преобладают именно те избирательные системы, при которых относительно высокие показатели партийного плюрализма встречаются реже всего.

Основная масса собраний, попавших в сектор «Нет данных», в действительности состоит исключительно из депутатов ЕР. Все они формируются путем делегирования из состава собраний муниципалитетов городского и районного подчинения. Они не разместили сведения о своем составе на официальных сайтах или вообще не имели официальных сайтов. В большинстве сформированных таким способом собраний, состав которых известен, все депутаты представляют ЕР.

Показатели фракционного разнообразия местных собраний также заметно отличаются от тех, что имеются в региональных парламентах. Как правило, оппозиционные партии представлены в местных собраниях лишь единичными депутатами: единственная фракция (ЕР) имеется в 249 случаях (45%), 2 — в 83 (15%), 3 — в 25 (5%), 4 — в 5 (1%); нет данных — в 188 (34%)

С учетом действительного смысла «отсутствия данных», можно утверждать, что наличие единственной фракции является общим правилом для местных представительных собраний, а показатели, аналогичные тем, что имеются в Госдуме последних созывов, практически отсутствуют.

Итогом реформ, проводившихся в порядке подготовки к выборам 2016 г., стало закрепление политической монополии партии власти на уровне местных сообществ.

Таблица 1. Политический плюрализм в региональных парламентах (число партий)

Table 1. Political pluralism in regional parliaments (number of parties)

	Партийное разнообразие <i>Party diversity</i>	Фракционное разнообразие* <i>Fractional variety*</i>	Партии в руководящих структурах <i>Parties in decision-making structures</i>
Владимирская обл. <i>Vladimir region</i>	4	2	1
Калининградская обл. <i>Kaliningrad region</i>	5	3	1
Кемеровская обл. <i>Kemerovo region</i>	3	1	1
Ленинградская обл. <i>Leningrad region</i>	4	4	3
Московская обл. <i>Moscow region</i>	4	3	3
Нижегородская обл. <i>Nizhny Novgorod region</i>	5	3	2
Новосибирская обл. <i>Novosibirsk region</i>	5	4	4
Респ. Крым <i>Republic of Crimea</i>	2	2	1
Респ. Татарстан <i>Republic of Tatarstan</i>	3	3	1
Ростовская обл. <i>Rostov region</i>	3	3	1
Сахалинская обл. <i>Sakhalin region</i>	5	2	1
Свердловская обл. <i>Sverdlovsk region</i>	5	4	1
Ставропольский кр. <i>Stavropol Territory</i>	5	4	1
Тюменская обл. <i>Tyumen region</i>	5	3	2
Хабаровский кр. <i>Khabarovsk territory</i>	3	3	2
Чеченская Респ. <i>Republic of Chechnya</i>	3	1	1

* Кол-во фракций в 3 и более депутатов.

* *Number of factions of 3 or more deputies.*

Таблица 2. Партийный плюрализм в представительных собраниях муниципалитетов при различных избирательных системах 2012–2016 гг.

Table 2. Party pluralism in the representative assemblies of municipalities under the various electoral systems 2012–2016

	1 партия <i>1 party</i>	2 партии <i>2 parties</i>	3 партии <i>3 parties</i>	4 партии <i>4 parties</i>	5 партий <i>5 parties</i>	6 партий <i>6 parties</i>	Нет данных <i>No data</i>
Двухступенчатая <i>Two-tier electoral system</i>	14 собран. (7%*) 14 <i>assemblies (7%*)</i>	2 собран. (1%) 2 <i>assemblies (1%)</i>	5 собран. (2%) 5 <i>assemblies (2%)</i>		1 собран. (0,5%) 1 <i>assembly (0,5%)</i>		188 собран. (89,5%) 188 <i>assemblies (89,5%)</i>
Мажоритарная с многомандатными округами <i>Majoritarian electoral system with multi-member constituencies</i>	17 собран. (37%) 17 <i>assemblies (37%)</i>	18 собран. (39%) 18 <i>assemblies (39%)</i>	9 собран. (20%) 9 <i>assemblies (20%)</i>	1 собран. (2%) 1 <i>assembly (2%)</i>	1 собран. (2%) 1 <i>assembly (2%)</i>		
Мажоритарная с одномандатными округами <i>Majoritarian electoral system with single-member constituencies</i>	58 собран. (42%) 58 <i>assemblies (42%)</i>	39 собран. (28%) 39 <i>assemblies (28%)</i>	30 собран. (21%) 30 <i>assemblies (21%)</i>	11 собран. (8%) 11 <i>assemblies (8%)</i>	1 собран. (1%) 1 <i>assembly (1%)</i>		
Смешанная <i>Mixed electoral system</i>		15 собран. (12%) 15 <i>assemblies (12%)</i>	26 собран. (21%) 26 <i>assemblies (21%)</i>	68 собран. (54%) 68 <i>assemblies (54%)</i>	8 собран. (6%) 8 <i>assemblies (6%)</i>	9 собран. (7%) 9 <i>assemblies (7%)</i>	
Пропорциональная <i>Proportional electoral system</i>		15 собран. (52%) 15 <i>assemblies (52%)</i>	2 собран. (7%) 2 <i>assemblies (7%)</i>	6 собран. (20%) 6 <i>assemblies (20%)</i>	4 собран. (14%) 4 <i>assemblies (14%)</i>	2 собран. (7%) 2 <i>assemblies (7%)</i>	

* % от числа собраний с соответствующей избирательной системой

* % of the number of assemblies with an appropriate electoral system

В региональных парламентах было обеспечено удержание партийного плюрализма на уровне чисто номинальных показателей. Угроза потери большинства в Госдуме была снята с повестки дня.

Политическая монополия и ее инструменты в условиях избирательных кампаний 2018–2019 гг.

Инструменты гегемонии, созданные накануне 2016 г., позволили сохранить политическую монополию «партии власти». Тем не менее запас их прочности не был безграничным. Переломной точкой стали региональные кампании 2018 г., прошедшие на фоне массового недовольства инициированной президентом пенсионной реформы. Сокращение поддержки ЕР привело к утрате большинства в ряде региональных парламентах, а ее кандидаты в губернаторы перестали одерживать победы в первом туре или вовсе проиграли выборы, уступив на первый взгляд слабым оппонентам.

Возможность потеснить ЕР оппозиционными партиями в 2018 г. давали в первую очередь сохранившиеся на региональных выборах элементы пропорциональной системы.

В 2018 г. выборы прошли в 15 регионах. Результаты голосования за список ЕР выросли только в Якутии (50,84% против 47,41%). В прочих регионах ее поддержка сократилась в диапазоне 15%–18%. Напротив, КПРФ и ЛДПР продемонстрировали хороший рост особенно если выборы парламента шли параллельно с губернаторскими.

В одномандатных округах ЕР также теряла поддержку, а ее оппоненты наращивали (в среднем на 7% — 10%). На руку парламентской оппозиции наряду с протестными настроениями сыграло и то, что в выборах приняло участие лишь относительно небольшое число непарламентских партий.

В итоге ЕР удалось улучшить результат (3/4 мандатов вместо 2/3) в Калмыкии. Сохранить свои позиции — квалифицированное большинство в 3/4 мандатов — удалось лишь в Кемеровской и Ростовской областях. Во Владимирской, Ивановской, Смоленской, Ярославской, Архангельской областях, Бурятии, Якутии, Ненецком АО большинство в 3/4 или 2/3 мандатов сменилось на простое большинство. В Ульяновской и Иркутской областях, Хакасии и Забайкалье ЕР лишилась большинства.

Утрата ЕР доминирующих позиций продолжается в 2019 г. Новая черта этого процесса — массовые поражения в одномандатных округах; наиболее яркие случаи такого рода наблюдались на выборах в Москве и Хабаровском крае. Обнаружившееся ранее снижение поддержки списков ЕР сохраняется.

Совокупность тенденций, обозначившихся на региональных выборах 2018–2019 гг., можно обозначить как движение от номинального плюрализма к ограниченной конкуренции.

Программа реформ электоральных институтов: подходы «партии власти» к сохранению гегемонии

Региональные кампании 2018–2019 гг. показали сокращение прежних ресурсов электорального доминирования. В первую очередь это относится к опоре «партии власти» на кандидатов-одномандатников. Дальнейшее увеличение роли мажоритарных элементов и сокращение роли пропорциональных элементов избирательной системы, тем не менее, является наиболее вероятным ответом на вызовы 2018–2019 гг. Активно обсуждается реформа выборов в Госдуму: долю одноман-

датников на выборах 2021 г. предлагают увеличить до 75% (Выборы..., 2019). Если нынешнее думское большинство решится на такой шаг, с большой вероятностью местные и региональные избирательные системы будут реформированы в том же направлении. Во всяком случае, такова позиция, которая продвигается экспертами ЦИК через учрежденный ею «Российский фонд свободных выборов» (РСФВ). В августе 2019 г. был обнародован разработанный фондом проект Избирательного кодекса; он допускает выборы региональных парламентов по мажоритарной системе (ст. 189.1), причем по спискам разрешается избирать не более 25% депутатов (ст. 189.3) (Изменения..., 2019).

Проект кодекса не содержит новелл в области местных выборов, иначе говоря, проект допускает дальнейшее сокращение роли пропорциональной системы и расширение практики отказа от прямых выборов.

В пользу консервативного сценария реформы говорит и направленность рекомендаций, выработанных по заданию ЦИК независимыми экспертами в период после выборов 2019 г. На заседании Научно-экспертного совета при ЦИК России предметами обсуждения стали порядок регистрации кандидатов, процедуры использования избирательного залога и сбора подписей в поддержку кандидата, деятельность наблюдателей, но не конструкция избирательной системы (Состоялось заседание..., 2019; Любарев, 2019).

Предложения по реформированию избирательной системы не внесли в обсуждение чего-то кардинально нового в сравнении с тем набором вопросов, который в 2016 г. был затронут Советом по правам человека при Президенте РФ (Федотов, 2016). Ни ЦИК, ни СПЧ в своих официальных публикациях не только не поставили, но вовсе не упомянули проблему манипулирования избирательными системами для обеспечения гегемонии единственной партии. Достоин удивления то, что ни в одном из упомянутых выше выступлений по итогам кампании 2019 г. — в том числе в упомянутых выше рекомендациях — не дается оценка широко распространившейся практики отказа от прямых выборов представительных собраний муниципалитетов, более того — эта практика вообще не упоминается ни в одном из документов, опубликованных Научно-экспертным советом ЦИК на сайте Центризбиркома. Большой массив экспертных оценок электоральной практики был обобщен в ход инициированной ЦИК научно-практической конференции «Избирательная система России: опыт формирования и перспективы развития» (24–25 ноября 2016 г.). В этом масштабном мероприятии приняли участие «более 200 человек, в том числе: от 17 политических партий, 13 общественных организаций, 20 государственных органов, 14 избирательных комиссий субъектов Российской Федерации, а также более 50 представителей экспертно-научного сообщества, института уполномоченного по правам человека и другие участники. В режиме видеоконференции в мероприятии приняли участие 1315 человек, включая 556 членов избирательных комиссий субъектов Российской Федерации, 548 представителей региональных отделений политических партий и общественных объединений, а также СМИ» (Научно-практическая конференция..., 2016). Тщетными будут поиски анализа обозначенных только что проблем и в материалах этой конференции: в своих тезисах их не упоминает ни председатель ЦИК Э. А. Памфилова, призвавшая «критично настроенных экспертов ...дать свои оценки избирательной кампании» (Памфилова, 2016: 13), ни сами критично настроенные эксперты, такие, как А. Е. Любарев и Г. А. Мелконьянц (Любарев, 2016; Мелконьянц, 2016). Лишь один

из докладчиков на этой конференции упомянул — и то вскользь — тот факт, что принцип выборности органов местного самоуправления в современной России реализуется «с некоторыми изъятиями» (Бужин, 2016: 35).

Ни отказ от прямых выборов органов местного самоуправления, ни другие институциональные проблемы функционирования политического плюрализма не привлекли внимания СПЧ, хотя эта организация регулярно публикует мониторинговые доклады, посвященные как общенациональным, так и региональным избирательным кампаниям, а ее эксперты выступают в научной периодике (Борисов, 2016).

Манипуляции с избирательными системами ради создания «сфабрикованного большинства» хорошо изучены как в условиях «партизации» 2000-х гг. (Голосов, 2005; Любарев, 2013; Любарев 2013а), так и в ситуации, сформированной последними реформами партийно-избирательной системы (Кынев и Любарев, 2019: 43–46) — к слову сказать, эта проблема, о которой столь трудно узнать из официальных публикаций, описана исследователями, являвшимися вплоть до недавнего времени по совместительству экспертами ЦИК. Что же касается внедрения неэлекторальных методов формирования местных представительных органов — эта практика и ее эффекты остаются на сегодняшний день явно недооцененными как в экспертном и академическом сообществе, так и в общественно-политической повестке. Это создает благоприятные условия для ее расширения в дальнейшем.

Смысл реформы, спроектированной к августу 2019 г., предельно прозрачен. Ее содержание сводится к дальнейшему распространению мажоритарных и сокращению пропорциональных элементов; параллельно с этим планируются меры по имитации вовлечения в политику «свежих сил» (блоки, избирательный залог). Этот комплекс мер воспроизводит подход, апробированный накануне 2016 г. Логично предположить, что ожидаемый разработчиками реформы результат также аналогичен достигнутому в 2016; это — закрепление политической монополии ЕР в муниципальных думах, удержание на номинальном уровне параметров плюрализма региональных собраний и сохранение за ЕР конституционного большинства в Госдуме.

Осень 2019 г. показала, что ресурсы мажоритарной стратегии близки к исчерпанию, а сохранение в 2021 г. гегемонии при помощи средств образца 2016 г. как минимум проблематично.

Выводы

Избирательный цикл, начавшийся в 2016 г., подходит к завершению. На его начальном этапе (2016–2017 гг.) был достигнут высочайший уровень гегемонии «партии власти»; при помощи манипуляций нормами избирательного права она сумела свести к нулю негативные эффекты, связанные с падением популярности и локальными успехами парламентских оппонентов. Поддержанию монополии способствовала и относительно успешная внутренняя политика: в условиях масштабных экономических санкций, ставших платой за крымский консенсус, правительству некоторое время удавалось не допускать обвального сокращения доходов граждан и сохранять прежний уровень социальных гарантий. К 2018 г. ресурсы этой политики были исчерпаны; предсказуемым образом оплата издержек, связанных с поддержанием status quo, была возложена на наименее обеспеченные слои общества (налоги на самозанятых и дачников, пенсионная реформа, повышение НДС и т.п.). В результате массовый рост недовольства впервые за долгие годы поставил под вопрос сохранение гегемонии «партии власти» при помощи правовых

и электоральных инструментов. В 2018 г. ЕР терпит ряд поражений на выборах региональных парламентов и губернаторов. Эти процессы, хотя и в несколько иной конфигурации, развивались и в 2019 г.; отличительной чертой этого периода стали кризисы гегемонии в Москве и Хабаровском крае.

Как будет развиваться ситуация в финале избирательного текущего цикла и начале следующего?

Давление со стороны парламентской оппозиции, получившей импульс к оживлению в 2018–2019 гг., и со стороны внесистемной оппозиции, успешно дебютировавшей на московских выборах 2019 г. продолжится. Не менее очевидно и то, что «партия власти» продолжает владеть политической инициативой и развитие событий в 2020 и 2021 гг. будет определяться ее стратегиями. ЕР будет бороться за консервацию своего статуса гегемона, имеющего неограниченные возможности произвольно менять правила игры в политике, определять состав оппонированных ей сил, принимать властные решения без их согласования с кем бы то ни было.

Рассмотрим возможные сценарии развития событий, подразумевающие, что борьба за гегемонию будет вестись при помощи в основном не силовых, а электоральных инструментов.

Базовый подход, вероятно, состоит в реформировании избирательной системы в консервативном духе: расширение мажоритарной и сокращение пропорциональной системы при номинальной либерализации норм, регулирующих вход в пространство конкуренции (избирательный залог, блоки); элементом этого сценария, по всей видимости, будет дальнейшее распространение неэлекторальных практик формирования местных дум. Все элементы этой стратегии успешно применялись в 2016 г., и, судя по текущему состоянию дискуссий об избирательной системе, новые технологии контроля над ней пока не изобретены, хотя конкретные параметры реформы могут варьироваться с учетом московского и хабаровского опыта.

Итак, каковы же возможные итоги реализации этой стратегии в перспективе ближайших двух лет?

В случае если она сработает так, как работала ранее, наметившаяся реанимация партий парламентской оппозиции будет остановлена, монополярная среда политической конкуренции, типичная для теперешних местных представительных собраний, станет типичной и для региональных. Наличие хотя бы номинального плюрализма в местных думах станет не редким, а исключительным явлением. Победы оппозиционных кандидатов на местном уровне в общем случае станут возможны только в случае отказа ЕР от выдвижения своих кандидатов в некотором количестве одномандатных округов. Исправная работа механизмов образца 2016 г., модернизированных по рецептам «Избирательного кодекса», способна не сохранить, а доломать «четырепартийщину», выстраивавшуюся с 2000-х гг.

В СМИ и экспертном сообществе обсуждается возможность возврата избирательных блоков. В рамках логики «Избирательного кодекса» создание блоков не даст новым силам серьезных дополнительных возможностей. По некоторым сведениям, для блоков планируется повышенный проходной барьер (Галимова, 2019). Если эта идея воплотится, участие в блоках станет просто бесполезным для «новых» оппозиционных партий, тогда как проблемы «старой» оппозиции связаны не с отсутствием союзников, а с совсем иными обстоятельствами. Создание блоков имеет смысл в рамках пропорциональной системы, и их эффект будет минимизирован за счет урезания доли списочников до 25%. На местных выборах в условиях

господства мажоритарной системы возможность создания блоков сегодня не имеет практического значения; если чисто мажоритарная система начнет внедряться на выборах региональных парламентов, блоковые возможности перестанут быть актуальными и на этом уровне.

Процедуры выдвижения кандидатов в Мосгордуму-2019, по мнению многих экспертов, были использованы для отстранения политиков, неугодных «партии власти», от выборов. До сих пор шансы оппозиции на победу в мажоритарных округах лимитировались не столько процедурами выдвижения, сколько малым количеством распределяемых мандатов и большими размерами округов, население которых трудно охватить агитацией при отсутствии существенных финансовых и административных ресурсов. Сама по себе регистрация за счет залога не снимает эту проблему конкурентов ЕР. Определенное окно возможностей им может дать одновременное снятие препятствий к регистрации и дальнейшее снижение явки, поскольку оно будет повышать удельный вес отоблагодариленных и мотивированных групп активных сторонников оппозиции. Выигрыш в ситуации снижения явки сможет дать им и протестное голосование по принципу «за кого угодно, только против ЕР». Стихийные проявления этого феномена (Хакасия-2018) и попытки введения его в организованное русло («умное голосование» в Москве-2019) уже имели место и могут возникнуть вновь. Отказы в регистрации были одним из главных делигитимирующих факторов для московских выборов в 2019 г., введение избирательного залога — едва ли не единственный способ решения этой проблемы; с другой стороны, думское большинство, сформированное ЕР, надо полагать, видит, что снятие административных барьеров увеличит и без того высокую неопределенность результата будущих выборов в одномандатных округах.

Одновременное снижение поддержки и в одномандатных округах, и при голосовании за списки в ситуации снижения явки является, вероятно, главным фактором, тормозящим новую реформу: «партия власти» пока что не уверена в позитивном для нее эффекте от дальнейшего расширения мажоритарной системы. Таким результатом, с точки зрения ее прежних стратегий, может являться консервация политической системы в состоянии номинального плюрализма и (или) политической монополии, а последствия реформы вместо этого способны лишить ее простого большинства.

Однако прежние механизмы гегемонии вряд ли будут работать исправно.

Успехи ЕР в войне на уничтожение оппонентов уже привели к глубокой деградации парламентской оппозиции. Дальнейшее отсутствие перспектив способно привести к массовому оттоку из этих партий наиболее мотивированных активистов. Ближайший результат кризиса старой оппозиции — выход на арену публичной политики несистемных сил. Их успешный дебют в Москве будет развит в ходе кампаний 2020 и 2021 гг.; дефицит кадров, сдерживающий их успехи в регионах, будет преодолен, если отток активистов из старых оппозиционных партий станет массовым. Один из факторов, сдерживающих переход политиков из «системной» в «несистемную» оппозицию, — отсутствие у нее левого фланга. Свято место пусто не бывает: при сохранении нынешнего беспомощного состояния КПРФ возникновение леворадикальной альтернативы Зюганову и его спойлеру Сурайкину есть лишь вопрос времени. Упрощение регистрации кандидатов дополнительно подстегнет все эти процессы.

Сложившиеся сегодня параметры политической конкуренции таковы, что на локальном уровне конкуренция, как правило, сохраняется в виде реликта, на региональном — в номинальном виде, и лишь на уровне общенационального пар-

ламентальная политическая ситуация может быть охарактеризована как конкурентная (по некоторым формальным критериям). Дальнейшее усиление позиций «партии власти» электоральными средствами уже невозможно, поскольку следующим этапом такого усиления будет переход к однопартийной системе, т. е. к неэлекторальным механизмам политического господства. Затруднительно не только дальнейшее укрепление «партии власти», но и сохранение достигнутых позиций — соседи ЕР по «большой четверке» находятся в близком к коллапсу состоянии. Пока что они относительно успешно обслуживают существование думского картеля, но на уровне города и региона ничего похожего на такой картель нет, и альтернативные партии в представительных собраниях являются даже не бедными родственниками партии-гегемона, а ее непрошеными гостями, от которых избавляются любыми средствами. Замедленные темпы ротации их управленческих элит уже привели к консервации на постах лидеров полностью выработавших свой ресурс политиков, к неспособности формулировать отвечающие общественным запросам программы и лозунги. Реанимация нынешних партий системной оппозиции не является единственно возможным и, тем более, лучшим сценарием оздоровления политической системы; радикальное переустройство политического ландшафта, формирование новых партий, не отягощенных преемственностью с дискредитировавшими себя политиками, способствовало бы решению этой задачи в еще большей мере. Однако ни тот, ни другой сценарий не может быть реализован при сохранении нынешней конфигурации принципов политической конкуренции, при которых вне конкурентного поля находится пространство региональной и локальной политики. Представляются не нуждающимися в доказательстве следующие тезисы: именно в локальном и региональном политическом процессе должны происходить выработка навыков ответственного взаимодействия политиков и избирателей и формирование профессиональных качеств политиков общенационального уровня, именно региональные и локальные слои политического класса естественным образом должны служить кадровым резервом национальной политической элиты, и формироваться эти слои могут исключительно в процессе политической борьбы, а не в ходе всевозможных кабинетных игр вроде участия в правительственных программах подготовки и отбора кадров. Системный кризис осени 2019 г. обусловлен процессами деградации партийной системы в ее региональном и местном измерении. Устранение предпосылок подобных кризисов в будущем напрямую зависит от восстановления условий для здоровой конкуренции в региональном и локальном политическом процессе.

Библиографический список

- Борисов, И. Б. (2016). Выборы: доверие, ответственность, гражданский диалог. *Избирательное законодательство и практика*, 3, 28–30.
- Бузин, А. Ю. (2016). Основные изъяны российского избирательного законодательства. *Гражданин, выборы, власть. Научно-аналитический журнал*, 4, 34–39.
- Выборы в Госдуму-2021 с преобладанием одномандатных округов: каким может быть региональный разрез при схеме 25:75 в пользу одномандатников? (2019). Режим доступа http://www.isepr.ru/upload/iblock/4e8/vibory_v_dumu_2021.pdf
- Галимова, М. В. (2019). В Кремле обсудили возвращение избирательных блоков с повышенным барьером. Режим доступа <https://www.rbc.ru/politics/07/11/2019/5dc1de8e9a7947f72a367fbd>

- Голосов, Г. В. (2005). Сфабрикованное большинство: конверсия голосов в места на думских выборах 2003 г. *Полис*, 1, 108–119.
- Изменения, предлагаемые к внесению в проект Кодекса Российской Федерации о выборах и референдумах (2019). Режим доступа <http://www.rfsv.ru/page/izmeneniia-predlagayemye-k-vneseniiu-v-proekt-kodeks-rossiiskoi-federatsii-o-vyborakh-i-referendumakh>
- Кынев, А. В., Любарев, А. Е. (2019). Итоги голосования и результаты выборов 8 сентября 2019 года. Режим доступа http://liberal.ru/files/articles/7409/Vibory_2019.Itogi.pdf
- Любарев, А. Е. (2019). Рекомендация членов Научно-экспертного совета при ЦИК России. Режим доступа <https://echo.msk.ru/blog/lyubarev/2472749-echo/>
- Любарев, А. Е. (2013). Соответствуют ли российские выборы своему конституционному предназначению. *Право и политика*, 13, 1903–1915.
- Любарев, А. Е. (2016). Недостатки избирательного законодательства и его кодификация, *Гражданин, выборы, власть. Научно-аналитический журнал*, 4, 114–117.
- Любарев, А. Е. (2013). Пропорциональная и смешанная избирательные системы на региональных и муниципальных выборах в Российской Федерации: проблемы «сфабрикованного большинства». *Юридические исследования*, 8, 65–118.
- Мархинин, В. В., Пуртова, В. С., Ушакова, Н. В. (2019). *Региональные партийные и избирательные системы: состояние и перспективы*. Курганский Дом печати.
- Мелконьянц, Г. А. (2016). Электронная демократия — средство повышения доверия к выборам. *Гражданин, выборы, власть. Научно-аналитический журнал*, 4, 120–123.
- Научно-практическая конференция «Избирательная система России: опыт формирования и перспективы развития» (2016). Режим доступа <http://www.cikrf.ru/news/cec/23113/>
- Памфилова, Э. А. (2016). Главная задача организаторов выборов — добиться доверия избирателей. *Гражданин, выборы, власть. Научно-аналитический журнал*, 4, 6–13.
- Состоялось заседание Научно-экспертного совета при ЦИК России (2019). Режим доступа http://cikrf.ru/news/cec/44639/?fbclid=IwAR1US_pn5rFe1w-p0ubWLL7sGSKBl2cArmXGQu20xUfSCnvcQdCgTmqI7cs.
- Федотов, М. (2016). Консолидированный доклад Мониторинговой рабочей группы Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека на парламентских выборах в 2016 году. Режим доступа <http://president-sovet.ru/files/59/c8/59c837f7f22949fa72d085f8c58487ff.pdf>.
- Burchard, S. (2013). You Have to Know Where to Look in Order to Find It: Competitiveness in Botswana's Dominant Party System. *Government and Opposition*, 48(1), 115–116.
- Frye, T., Reuter, O., Szakonyi, D. (2012). Political Machines at Work: Voter Mobilization and Electoral Subversion in the Workplace. *APSA 2012 Annual Meeting Paper*. Retrieved from <https://ssrn.com/abstract=2110201>
- Golosov, G. (2013). Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 21(4), 459–480.
- Golosov, G. V. (2010). The Effective Number of Parties: A New Approach. *Party Politics*, 16(2), 171–192.
- Korgunuk, Y. (2017). Classification of Russian Parties. *Russian Politics*, 2, 255–286.
- Korgunuk, Y., Cameron R., Shpagin, S. (2018). Party Reforms and the Unbalancing of the Cleavage Structure in Russian Regional Elections, 2012–2015. *Europe-Asia Studies*, 70, 1–27.
- Laakso, M., Taagepera, R. (1979). “Effective” Number of Parties: A Measure with Application to West Europe. *Comparative Political Studies*, 12(1), 3–27.
- Panov, P., Ross, C. (2013). Patterns of Electoral Contestation in Russian Regional Assemblies: Between Competitive and Hegemonic Authoritarianism. *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*. 21, 369–400.
- Ray, D., Havick, J. (1981). A Longitudinal Analysis of Party Competition in State Legislative Elections. *American Journal of Political Science*, 25, 119–128.

Reuter, O. J., Buckley N., Shubenkova, A., Garifullina, G. (2016). Local Elections in Authoritarian Regimes: An Elite-Based Theory with Evidence from Russian Mayoral Elections. Retrieved from <https://ssrn.com/abstract=2643773>.

Ross, C., Turovsky, R (2015). Centralized but Fragmented: The Regional Dimension of "Russia's Party of Power". *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 23(2), 205–223.

Статья поступила в редакцию 03.11.2019

Статья принята к публикации 12.12.2019

Для цитирования: Мартынов М. Ю., Мархинин В. В. Электоральные инструменты партийной гегемонии ЕР: тенденции развития и пределы прочности. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2020. Т. 21. № 1. С. 86–103.

ELECTORAL INSTRUMENTS OF A PARTY HEGEMONY: RECENT DEVELOPMENTS AND THE LIMITS OF THE UNITED RUSSIA PARTY'S MONOPOLY

M. Yu. Martynov, V. V. Markhinin

Mikhail V. Martynov.

E-mail: martinov.mu@gmail.com. ORCID 0000-0002-8245-7359.

Vasily V. Markhinin.

E-mail: marhinin.basilio@yandex.ru. ORCID 0000-0001-5024-2452

Surgut State University, Lenina Pr., 1, Surgut, 628412, Russia

Acknowledgements. The article was prepared as part of a State research assignment from the Department of Education and Youth Policy of the Khanty-Mansi Autonomous Region

Abstract. The article discusses the impact of the electoral system, in the form of legal rules governing elections, on the state of the party system in the regional and local dimension. The policy implications of reforming electoral systems are analyzed by means of quantitative analysis. The subject of research is identification of limits of strength of political hegemony of "United Russia" in electoral space of national, regional and local level. The main instrument of this hegemony to date has been the establishment of representative institutions, whose composition is distorted in relation to the real structure of the political preferences of the electorate through the selection of combinations of majoritarian and proportional elements of the electoral system, providing the most comfortable conditions of competition for the dominant party and the least convenient conditions for its opponents. Practices such as the widespread adoption of non-electoral caucuses and the strategy of isolating opponents as much as possible from the allocation of any political resources are subject to the same objectives. On the material of electoral statistics, the article gives an assessment of the political results of the reforms of electoral and party legislation on the eve of the 2016 elections, and takes the experience of forecasting the results of the implementation of the new reform program formed by the "party of power" by 2019.

Key words: party system, electoral system, political pluralism, political competition, local and regional political process.

DOI: 10.31429/26190567-21-1-86-103

References

Borisov, I. B. (2016). Vyборы: doveriye, otvetstvennost', grazhdanskiy dialog [Elections: Trust, Responsibility, Civil Dialogue]. *Izbiratel'noye zakonodatel'stvo i praktika* [Electoral Legislation and Practice], 3, 28–30.

Burchard, S. (2013). You Have to Know Where to Look in Order to Find It: Competitiveness in Botswana's Dominant Party System. *Government and Opposition*, 48(1), 115–116.

Buzin, A. Yu. (2016). Osnovnyye iz'yany rossiyskogo izbiratel'nogo zakonodatel'stva [The Main Flaws in the Russian Electoral Law]. *Grazhdanin, vyборы, vlast'*. *Nauchno-analiticheskiy zhurnal* [Citizen Elections Authority. Scientific and Analytical Journal], 4, 34–39.

- Fedotov, M. (2016). Konsolidirovanny doklad Monitoringovoy rabochey gruppy Soveta pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka na parlamentskikh vyborakh v 2016 godu [Consolidated Report of the Monitoring Working Group of the Presidential Council on the Development of Civil Society and Human Rights in the 2016 Parliamentary Elections]. Retrieved from <http://president-sovet.ru/files/59/c8/59c837f7f-22949fa72d085f8c58487ff.pdf>
- Frye, T. Reuter, O., Szakonyi, D. (2012). Political Machines at Work: Voter Mobilization and Electoral Subversion in the Workplace. *APSA 2012 Annual Meeting Paper*. Retrieved from <https://ssrn.com/abstract=2110201>
- Galimova, M. V. (2019). V Kremle obsudili vozvrashcheniye izbiratel'nykh blokov s povyshennym bar'yerom [The Kremlin Discussed the Return of Electoral Blocs with an Increased Barrier]. Retrieved from <https://www.rbc.ru/politics/07/11/2019/5dc1de8e9a7947f72a367fbd>
- Golosov, G. (2013). Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 21(4), 459–480.
- Golosov, G. V. (2005). Sfabrikovannoye bol'shinstvo: konversiya golosov v mesta na dumskikh vyborakh 2003 g. [A Manufactured Majority: Vote-Seat Conversion in the 2003 Duma Elections]. *Polis* [Polis. Political Studies], 1, 108–119.
- Golosov, G. V. (2010). The Effective Number of Parties: A New Approach. *Party Politics*, 16(2), 171–192
- Izmeneniya, predlagayemye k vneseniyu v proyekt Kodeksa Rossiyskoy Federatsii o vyborakh i referendumakh [Changes Proposed to be Introduced into the Draft Code of the Russian Federation on Elections and Referenda]. Retrieved from <http://www.rfsv.ru/page/izmeneniya-predlagaemye-k-vneseniyu-v-proekt-kodeks-rossiiskoi-federatsii-o-vyborakh-i-referendumakh>
- Korgunyuk, Y. (2017). Classification of Russian Parties. *Russian Politics*, 2, 255–286.
- Korgunyuk, Y., Cameron R., Shpagin, S. (2018). Party Reforms and the Unbalancing of the Cleavage Structure in Russian Regional Elections, 2012–2015. *Europe-Asia Studies*, 70, 1–27.
- Kynev, A. V., Lyubarev, A. Ye. (2019). Itogi golosovaniya i rezul'taty vyborov 8 sentyabrya 2019 goda [Voting Results and Election Results on September 8, 2019]. Retrieved from http://liberal.ru/upload/files/Vibory_2019.Itogi.pdf
- Laakso, M., Taagepera, R. (1979). “Effective” Number of Parties: A Measure with Application to West Europe. *Comparative Political Studies*, 12(1), 3–27.
- Lyubarev, A. (2019). Rekomendatsiya chlenov Nauchno-ekspertnogo soveta pri TSIK Rossii [Recommendations of Science Expertise Board at Central Electoral Committee of Russian Federation]. Retrieved from <https://echo.msk.ru/blog/lyubarev/2472749-echo/>
- Lyubarev, A. Ye. (2013). Proportsional'naya i smeshannaya izbiratel'nyye sistemy na regional'nykh i munitsipal'nykh vyborakh v Rossiyskoy Federatsii: problemy «sfabrikovannogo bol'shinstva» [Proportional and Mixed Electoral Systems in Regional and Municipal Elections in the Russian Federation: Problems of the “Fabricated Majority”]. *Yuridicheskiye issledovaniya* [Legal Research], 8, 65–118.
- Lyubarev, A. Ye. (2013). Sootvetstvuyut li rossiyskiye vybory svoemu konstitutsionnomu prednaznacheniyu [Are Russian Elections Consistent with their Constitutional Mission?]. *Pravo i politika* [Law and Politics], 13, 1903–1915.
- Lyubarev, A. Ye. (2016). Nedostatki izbiratel'nogo zakonodatel'stva i yego kodifikatsiya, [Shortcomings of the Electoral Law and Its Codification]. *Grazhdanin, vybory, vlast'. Nauchno-analiticheskiy zhurnal* [Citizen, Elections, Authority. Scientific and Analytical Journal], 4, 114–117.
- Markhinin, V. V., Purtova, V. S., Ushakova, N. V. (2019). *Regional'nyye partiynyye i izbiratel'nyye sistemy: sostoyaniye i perspektivy* [Regional Party and Electoral Systems: State and Prospects]. Kurganskiy Dom pečati.
- Melkon'yants, G. A. (2016). Elektronnaya demokratiya — sredstvo povysheniya doveriya k vyboram. [E-Democracy is a Means of Increasing Confidence in Elections]. *Grazhdanin, vybory, vlast'. Nauchno-analiticheskiy zhurnal* [Citizen, Elections, Authority. Scientific and Analytical Journal], 4, 120–123.

- Nauchno-prakticheskaya konferentsiya “Izbitatel'naya sistema Rossii: opyt formirovaniya i perspektivy razvitiya” [Scientific and Practical Conference “Electoral System of Russia: Experience and Future Perspectives”] (2016). Retrieved from <http://www.cikrf.ru/news/cec/23113/>
- Pamfilova, E. A. (2016). Glavnaya zadacha organizatorov vyborov — dobit'sya doveriya izbirateley [The Main Task of the Election Organizers is to Achieve the Confidence of Voters]. *Grazhdanin, vybory, vlast'. Nauchno-analiticheskiy zhurnal* [Citizen Elections Authority. Scientific and Analytical Journal], 4, 6–13.
- Panov, P, Ross, C. (2013). Patterns of Electoral Contestation in Russian Regional Assemblies: Between Competitive and Hegemonic Authoritarianism. *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*, 21, 369–400.
- Ray, D., Havick, J. (1981). A Longitudinal Analysis of Party Competition in State Legislative Elections. *American Journal of Political Science*, 25, 119–128.
- Reuter, O. J., Buckley N., Shubenkova, A., Garifullina, G. (2016). Local Elections in Authoritarian Regimes: An Elite-Based Theory with Evidence from Russian Mayoral Elections. Retrieved from <https://ssrn.com/abstract=2643773>.
- Ross, C., Turovsky, R (2015). Centralized but Fragmented: The Regional Dimension of “Russia’s Party of Power”. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 23(2), 205–223.
- Sostoyalos' zasedaniye Nauchno-ekspertnogo soveta pri TSIK Rossii [A meeting of the Scientific Expert Council at the CEC of Russia Took Place] (2019). Retrieved from http://cikrf.ru/news/cec/44639/?fbclid=IwAR1US_pn5rFe1w-p0ubWLL7sGSKBl2cArmXGQu20xUfSCnvcQdCgTmqI7cs
- Vybory v Gosdumu-2021 s preobladaniyem odnomandatnykh okrugov: kakim mozhet byt' regional'nyy razrez pri skheme 25:75 v pol'zu odnomandatnikov? [Duma Elections-2021 under Majoritarian System 25:75 — What the Result Will Look Like]. Retrieved from http://www.isepr.ru/upload/iblock/4e8/vibory_v_dumu_2021.pdf

Received 03.11.2019

Accepted 12.12.2019

For citation: Martynov M. Yu., Markhinin V. V. Electoral Instruments of a Party Hegemony: Recent Developments and the Limits of the United Russia Party’s Monopoly. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2020. Vol. 21. No. 1. Pp. 86-103.

© 2020 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).